

Inger Wolf

Hvepsereden

Krimi

People'sPress

Ингер Вольф

Собиранатель

Роман

Перевод с датского
ТАТЬЯНЫ РУСУБЕРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Нур-Султан

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44
В 72

Hvepsereðen
Copyright © Inger Wolf 2011
Copyright denne udgave © People's Press 2015
Published by agreement with PeopleGroupAgency, Denmark

Вольф, Ингер
В 72 Собиранте ос : роман / Ингер Вольф ; [пер. с дат. Т. Русуберг]. —
Нур-Султан : Фолиант, 2020. — 320 с.

ISBN 978-601-338-514-3

В пустующем доме в Орхусе найдено зверски изуродованное тело подростка. Изодранный убийца не только пытал жертву, но и разбросал вокруг трупа мертвых ос. Полицейские подозревают, что родители убитого мальчика скрывают от них правду, и пытаются выяснить, что именно те утаивают и как это связано с осами, фанатичным коллекционером карточек к кинофильмам, делом об изнасиловании двадцатипятилетней давности и сбежавшим из закрытого отделения психиатрической больницы пациентом.

Впервые в переводе на русский язык детективный триллер современной датской писательницы Ингер Вольф, которая считает «Собиранте ос», самостоятельное произведение из ее серии романов о комиссаре полиции Дэннеле Трокиче, одной из своих самых сильных книг. Избегая нагнетания пресловутой скандинавской мрачности, автору удается удерживать читательское внимание от пролога до неожиданного финала благодаря достоверности повествования, психологической содержательности персонажей и увлекательности мастерски выстроенного сюжета.

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-601-338-514-3

© Т. Русуберг, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ТОО «Издательство «Фолиант», 2020

Содержание

Пролог.....	7
Суббота, 17 декабря.....	9
Воскресенье, 18 декабря.....	31
Понедельник, 19 декабря.....	99
Вторник, 20 декабря.....	171
Среда, 21 декабря.....	217
Четверг, 22 декабря.....	295
Пятница, 23 декабря.....	311

Пролог

Жужжание ос стало громче в сумерках.

Она бежала через одичавший сад. Повсюду давно протянулись длинные вечерние тени. Ветви кустов хлестали по рукам, оставляя на них горящие полосы. Несколько мгновений она слышала только собственное хриплое дыхание, чувствовала только холодный влажный пот, струящийся по опухшему лицу. Крик застрял в горле, когда она оглянулась на своего преследователя. Гневно бормоча, тот пробирался через заросли на другом конце сада.

Ее дом был за живой изгородью. Большая двухэтажная ярко-желтая вилла с окнами в белых рамах, окруженная фруктовым садом. Где-то там ее мама с собранными в пучок волосами мыла посуду, подпевая музыке из радио. Папа, скорее всего, в соседней комнате рисовал яркими красками новую картину, а собака лежала в корзине у батареи в гостиной. Из окон лился теплый свет, но она знала, что дом, хотя он выглядел уютным и гостеприимным, не сможет ей помочь.

Боль между бедер казалась нестерпимой, и с ней весь мир переменялся. Домашние куклы больше не будут играть в тайные игры, которые так увлекали ее саму и ее подругу, когда родителей не было дома. Ведь в реальной жизни все происходит совсем не так.

Картины случившегося безостановочно мелькали у нее в голове, будто там показывали фильм. Место в нескольких домах

отсюда. Веревка на полу. Испуганные глаза. Крики. А потом ее прижали к грязному деревянному полу, и взгляд уперся в потолок с уродливыми пятнами от протечек. Она уставилась на потек в углу и старалась отрешиться от глухих стонов и болезненных толчков.

Наконец она добежала до живой изгороди и торопливо пролезла в дыру. Она чувствовала запах земли под собой, боль от мелких острых камешков, впившихся в ладони. Шип на какой-то ветке расцарапал кожу на лице совсем близко от глаза. Она услышала, что пыхтение за спиной прервалось. Сзади донеслось приглушенное ругательство. Из дыры в изгороди высунулась рука, нащарила ее ногу, скользнула по ней вверх, как огромный паук-птицеед, и наконец ухватила за подол платья. Ее потащили обратно через кусты; рука пробралась выше. Одним рывком ей со стоном удалось освободиться. Преследователь больше не мог дотянуться до нее.

— Я поймаю тебя снова, принцесса, — прошипел он, хихикнув.

Жужжание ос затихло. Они не последовали за ней, оставшись по ту сторону изгороди. Она проковыляла последние метры до дома между кустами розовых роз и крыжовника. Что-то холодное потекло по ее бедрам под платьем, но она едва обратила внимание на этот след преступления.

Что сказать дома? Ей просто хотелось спрятаться у себя в комнате среди книг и игрушек. Как рассказать обо всем? Ведь ужасное случилось из-за ее собственного глупого любопытства! Она скажет, что во всем виноваты осы! Родители не узнают, что она нашла ответ на давно мучивший ее вопрос. На короткий миг она увидела, что скрывалось в садовом домике соседей дальше по улице, и за это ее наказали. Если она расскажет кому-нибудь, ее точно убьют. Или еще хуже. С ней сделают *это* снова. Она никогда не сможет рассказать о таком ни единой живой душе.

Суббота, 17 декабря

1

Часы показывали восемь вечера, а у четырехлетнего племянника комиссара полиции Дэниеля Трокича сна не было ни в одном глазу. Он бегал вокруг елки в гостиной, стучал по шарикам и визжал. Елку поставили слишком рано, и ее иголки уже начали осыпаться в тепле.

— Ну, что скажешь? — Голос начальника полиции Карстена Андерсена в телефоне был едва слышен из-за шума.

— Скоро же Рождество, — сказал Трокич и убавил звук телевизора, по которому шло ток-шоу. — А я только вчера приехал в Загреб.

— Знаю, знаю. Ты нежишься на южном солнышке, пока мы тут пытаемся раскрыть самое жестокое за многие годы убийство. Признаюсь, все это чертовски не ко времени.

Трокич посмотрел через оконное стекло на улицу, освещенную длинной цепочкой фонарей. За ними виднелся ряд побеленных домов с горящими окнами. В маленьком городе в это время суток царила тишина. Почти полная луна висела так низко, что казалось, она вот-вот коснется одной из крыш. Медленно падал снег.

— Здесь минус пять, — сухо пробормотал Трокич.

На самом деле, с того мгновения, как он услышал новость, кожу покалывало от напряжения. Он встал с дивана, зажал телефон между плечом и подбородком и вышел на кухню, чтобы найти бумагу и ручку. Его двоюродный брат с женой тихо и сосредоточенно разговаривали о чем-то за чашкой кофе и только вопросительно взглянули на него.

— Что вам удалось выяснить на данный момент? — проговорил он в телефон.

— Преступник проник в дом, который был давно выставлен на продажу и стоял пустым. — Поняв, что комиссар готов выслушать его, шеф от облегчения оживился настолько, насколько позволял его имидж старого сухаря. — Агент по продаже недвижимости должен был показать дом клиентам сегодня утром. Он открыл дверь в помещение, где находилось тело. Пара, которая пришла посмотреть дом, конечно, испытала глубокий шок. Им потребовалась помощь психолога. Мы думаем, убийство произошло вчера вечером. Убийца разбил стекло в задней части дома, открыл дверь террасы и через нее проник внутрь. Никаких отпечатков пальцев. Никакого шума. Мы опросили соседей, но никто ничего не видел. По телевизору показывали королевский банкет, а в этом районе, очевидно, многие смотрят такое. Преступник оставил в крови несколько следов подошв и — чтоб его! — помочился в углу гостиной.

Трокич снова сел на диван и утонул в сиденье, обтянутом красным плюшем и мягком, как губка. Он поджал под себя ноги, потому что в старом доме вечно тянуло по полу. По телевизору начался репортаж об открытии нового музея.

— Кто жертва? — поинтересовался он.

— Мэс Брик. — Карстен Андерсен понизил голос, как будто кто-то мог услышать его там, откуда он звонил. А может, он просто хотел добиться драматического эффекта и полностью завладеть вниманием комиссара. — Пятнадцать лет. Пропал вечером в четверг. Мы узнали об этом в пятницу утром, а сегодня утром его нашли.

— То есть парень числился пропавшим два дня, прежде чем обнаружили тело? — спросил Трокич. — Это не облегчает дело.

— Вот именно. И выглядело тело неважно. Я присутствовал на вскрытии. Мальчика нашли голым. Его страшно избили. Причина смерти — укол в сердце острым инструментом, который

вонзили в живот. Судмедэксперт предположил, что это было длинное шило.

Повисло молчание.

Наконец шеф прибавил:

— Не скажешь, что парень умер легкой смертью.

— Родители? — вопросительно произнес Трокич.

— С ними мы, конечно, переговорили, и не один раз. В четверг они работали допоздна. Сейчас мы опрашиваем всех, кто знал мальчика. Как обычно, это займет время.

— А судмедэксперт смог назвать более точное время убийства?

— Он сказал, смерть наступила вчера вечером, — ответил Карстен. — Но мы не знаем, случилось ли это в доме, где нашли тело, или в другом месте.

— Признаки сексуального насилия?

— Нет, никаких.

— А что-нибудь примечательное?

— Да, есть кое-что интересное. Фактически перед нами биологическая загадка. Вокруг тела лежали дохлые осы.

— Осы? И что это, черт побери, значит?

— Да, осы. Точно жуткая инсталляция. Одним словом, сюрреализм какой-то.

— О скольких насекомых идет речь?

— Думаю, пятнадцать — двадцать.

— Разве эти кусачие твари не умирают зимой?

— Умирают, но только не королевы. Понятия не имею, откуда взялись осы, но нам это показалось настолько необычным, что мы разослали запрос по отделам.

Трокич вытащил из-под диванной подушки игрушечный пистолет, упершийся ему в бедро, и положил его на пол. «А у племянника обширный арсенал оружия», — подумал он.

— Может, осы жили в доме, где обнаружили тело? Если владельцы только что съехали, возможно, суматоха от переезда беспокоила насекомых?

— Нет. Осы были не только дохлыми, но и засохшими. К тому же бывшие хозяева поклялись, что у них никогда не водилось ос, ни внутри дома, ни снаружи.

Мать увела кричащего племянника, и в гостиной стало тихо. Трокич посмотрел на свой пустой бокал. Потом взял стоявшую на журнальном столике бутылку красного, налил себе и сделал глоток. Вкус вина напомнил ему о прошедшем лете и отпуске.

— Странно все это. А что еще нашли в доме?

— Не много. На теле мальчика обнаружили несколько длинных волос, но они, скорее всего, принадлежат фру Брик, матери. Их отправили на генетическую экспертизу.

— В доме всё?

— Да, техники закончили работу, но у нас остаются ключи до завтрашнего утра. У тебя будет возможность осмотреть дом по приезду, сегодня вечером. Погода для полета просто великолепная. Сможешь полюбоваться снегами в Альпах.

Трокич взглянул на часы на запястье и попробовал рассчитать время.

— *Если* я вообще полечу, будет слишком темно, чтобы что-то разглядеть с высоты.

— Я хочу, чтобы ты все осмотрел и чтобы тебя ввели в курс дела. Считай, это приказ, комиссар.

Аромат хвои внезапно стал навязчивым. Трокич так надеялся на это Рождество! Он редко виделся с родней. Дома в Дании сейчас было время корпоративов, когда вся страна обедалась селедкой, печеночным паштетом, колбасой, котлетами и запивала все это пивом и шнапсом. Как правило, это вело к ночным дракам и хулиганству, требовавшим выезда наряда, так что он совершенно точно не скучал по датскому Рождеству.

— Кстати, я еще не сообщил самое худшее, — почти прошептал начальник полиции.

— И что же это?

Шеф выдержал многозначительную паузу.

— Не по телефону. Жена суетится рядом, занялась тут рождественским печеньем, а эта информация не для нежных ушей.

— Вот только не надо мне этой чуши. Ты имеешь в виду, что тебе нельзя мне этого рассказывать или что не хочешь ничего говорить по телефону, чтобы заманить меня домой?

Карстен шумно отхлебнул чего-то и сказал:

— Сам увидишь, как приедешь. Дело лежит на твоём столе. Между пепельницей с остатками сигарет, которые ты тайком куришь, и двумя уже почерневшими бананами.

Оба знали, что Трокич будет сидеть в эконом-классе последнего сегодняшнего самолета в Данию. Возможно, шеф уже заказал билет. Но у комиссара еще оставалось немного времени.

2

Дэниель Трокич остановил машину перед домом, в котором нашли тело подростка. Было холодно. Часы показывали чуть больше полуночи. Комиссара утомил перелет, но ему хотелось увидеть место убийства таким, каким его оставил преступник прошлой ночью.

Беленый дом находился в квартале частных вилл неподалеку от ипподрома и леса. Построили его, скорее всего, в двадцатых годах прошлого века. Рамы небольших окон делились планками на шесть частей. В углу одного окна виднелась наклейка *Продается*. Часть фасада заслоняла крона развесистого каштана с искривленным стволом. В отличие от дома напротив, увитого электрическими гирляндами и обставленного садовыми гномами, здесь не было и следа подготовки к Рождеству. Здание выглядело заброшенным и таким мрачным, будто полнилось свершившимся в нем злом.

С тех пор как Трокич побывал в участке и просмотрел первые отчеты по делу, у него не шел из головы образ мертвого мальчика. Увиденное на фотографиях глубоко врезалось в память. Он открыл копию отчета о вскрытии, которая лежала рядом на пассажирском сиденье, и еще раз перечитал документы.

На животе было большое входное отверстие — там, куда вонзили шило, которым двигали вглубь и которое вращали, видимо, в поисках сердца. Под ребрами белели пять старых шрамов, происхождение которых было пока не ясно. Кроме того, тело усеивали следы многочисленных ударов, так что кожа мальчика окрасилась всеми цветами радуги. И наконец, оставалось то,